

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 15, Is. 1, pp. 122–131, 2022
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81-26

DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-122-131

Частотность употребления показателей множественного числа существительных в калмыцком языке (в сравнении с монгольским и бурятским)

Анна Владимировна Мазарчук¹

¹ Институт лингвистических исследований РАН (д. 9, Тучков переулок, 199053 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0003-3679-2858. E-mail: anja_av@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Мазарчук А. В., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье обсуждается частота употребления показателей множественного числа существительных в калмыцком, бурятском и халха-монгольском языке. *Цель* исследования — выявить, насколько данный параметр отличается в разных монгольских языках (при том, что во всех перечисленных идиомах употребление маркера плюралиса считается факультативным), для дальнейшего изучения влияния окружающих языков на монгольские. *Материалы и методы.* Исследование проведено в два этапа: сначала на небольшом количестве текстов («микрорпусе» — 10 115 словоупотреблений), затем на Калмыцком (800 000 словоупотреблений) и Бурятском (2 200 000 словоупотреблений) корпусах, находящихся в открытом доступе в сети интернет. Использовался метод подсчета и сравнения полученных числовых данных. *Результаты.* Микрорпусы показывают, что маркеры плюралиса в калмыцком языке употребляются чуть реже, чем в бурятском (в калмыцком — в среднем на каждом 21-м слове; в бурятском — на каждом 18-м). «Большие» же корпуса показывают, что в калмыцком показатели множественного числа используются почти в два раза чаще, чем в бурятском (в калмыцком — на каждом 16-м; в бурятском — на каждом 36-м). Получить данные о частотности употребления маркеров плюралиса в современном монгольском языке из большого корпуса пока что технически невозможно (в монгольском микрорпусе показатели множественного числа встречаются в среднем на каждом 64-ом слове). Тем не менее числовые данные подтверждают, что и в калмыцком, и в бурятском языках маркеры плюралиса употребляются чаще, чем в монгольском. *Выводы.* Автор предполагает, что примерно в XVII в. или позднее в монгольском языке по какой-то причине мог начаться процесс сокращения частоты употребления маркеров плюралиса (есть данные, опубликованные Дж. Стритом, что в среднемонгольском языке — XIII–XVI вв. — они употреблялись в четыре раза чаще, чем в современном халха-монгольском языке). Скорее всего, этот процесс не успел коснуться бурятского

и калмыцкого языков, поскольку эти языки, отделившись от генетически родственного окружения, вероятно, в результате влияния русского языка в какой-то мере «законсервировали» рассматриваемую черту (частое употребление показателей множественного числа), причем бурятский язык еще и развил способность присоединять маркеры плюралиса к прилагательным, не субстантивируя последние.

Ключевые слова: монгольские языки, современный монгольский язык, среднемонгольский язык, халха-монгольский язык, бурятский язык, калмыцкий язык, множественное число, морфология, языковые контакты, частотность, корпусные исследования

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МинОКН Монголии в рамках проведения научных исследований «Взаимодействие языков в поликультурном пространстве на материале монгольских языков: сравнительный анализ калмыцкого языка, языка ойратов Монголии и бурятского языка» (проект № 19-512-44006, номер госрегистрации: АААА-А19-119080790033-3).

Для цитирования: Мазарчук А. В. Частотность употребления показателей множественного числа существительных в калмыцком языке (в сравнении с монгольским и бурятским) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 1. С. 122–131. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-122-131

Frequency Use of Plurality Markers in Kalmyk Nouns (With Comparative Insights into Mongolian and Buryat)

Anna V. Mazarchuk¹

¹ Institute for Linguistic Studies of the RAS (9, Tuchkov Lane, St. Petersburg 199053, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0003-3679-2858. E-mail: anja_av@rambler.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Mazarchuk A. V., 2022

Abstract. Introduction. The article deals with the frequency use of nominal plurality markers in Kalmyk with comparative insights into Khalkha Mongolian and Buryat. *Goals.* The study aims at clarifying how different the parameter is in the Mongolic languages (given that in all the analyzed idioms the use of the plural is considered optional) for further understanding of how alterable the latter are in contacts with other languages. *Materials and methods.* The research includes two stages: 1) analysis of a ‘microcorpus’ (10.115 word tokens), 2) analysis of online Kalmyk and Buryat corpora (800.000 and 2.200.000 word tokens, respectively). The work employs methods of calculation and comparative research. *Results.* The ‘microcorpus’ study shows that plurality markers in Kalmyk discourse are used somewhat less frequently than in Buryat (each twenty first and eighteenth lexemes, respectively). Whereas the ‘big’ corpora study shows that plurality markers in Kalmyk are used twice as frequently as in Buryat. Unfortunately, currently it is technically impossible to extract relevant data from the ‘big’ Mongolian corpus. Nevertheless, the available data prove that plurality markers both in Kalmyk and Buryat are used more frequently than in modern Mongolian. *Conclusion.* The paper suggests that around the 17th century or later there must have been a decrease in the use of plurality markers by Mongolian speakers (according to J. Street, in Middle Mongolian — i.e. in the 13th-16th centuries AD — plurality markers were four times as frequent). Probably, this phenomenon had not affected Kalmyk and Buryat that would be detached from genetically close surrounding to experience influence of Russian, which resulted in that these languages witnessed a ‘conservation’ of their original feature of comparatively frequent use of nominal plurality markers.

Keywords: Mongolic languages, modern Mongolian, Middle Mongolian, Khalkha, Buryat, Kalmyk, plurality, morphology, language contacts, frequency, corpora studies

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR and Ministry of Education, Culture and Science of Mongolia, project no. 19-512-44006 (АААА-А19-119080790033-3) ‘Language Contacts in Multicultural Environment (Mongolic Languages): Comparative Insights into Kalmyk, Oirat (Mongolia) and Buryat’.

For citation: Mazarchuk A. V. Frequency Use of Plurality Markers in Kalmyk Nouns (With Comparative Insights into Mongolian and Buryat). *Oriental Studies*. 2022; 15(1): 122–131. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-122-131

1. Введение

Существуют некоторые общие для всех монгольских языков тенденции, которые, однако, в разной степени проявляются в каждом из них. Так, считается, что показатели множественного числа существительного в монгольских языках употребляются факультативно, но почему-то в каких-то из них маркеры плюралиса встречаются чаще, а в каких-то — реже. Дж. Стрит отмечал, что в среднемонгольском языке, если судить по дошедшим до нас письменным памятникам, показатели множественного числа использовались в четыре раза чаще, чем в современном халха-монгольском языке [Street 1990: 374].

Автору данной статьи всегда бросалось в глаза явно большее количество маркеров плюралиса в современных бурятских текстах, чем в монгольских, в связи с чем было проведено небольшое пилотное исследование на микрокорпусах бурятских и монгольских газетных текстов (около 10 000 словоупотреблений в каждом), и оказалось, что в современной бурятской публицистике показатели множественного числа существительных встречаются в 3,5 раза чаще, чем в монгольской [Мазарчук 2020: 664] (маркеры плюралиса при прилагательных¹ — отличительная черта бурятского языка — и местоимениях не рассматривались). Полученный результат сразу вызвал следующий вопрос: какова роль русского языка в сохранении этой черты бурятского языка?

Для того чтобы приблизиться к ответу

¹ Имеются в виду прилагательные, которые не субстантивируются в результате присоединения маркера плюралиса (в отличие от тех, которые субстантивируются, присоединяя к себе, например, суффикс собирательности *-шуул*²):

Бур. *томоууд*, *гоёнууд* *хото* *городууд*
томо-нууд, *гоё-нууд*
 большой-PL красивый-PL
хото+город-ууд
 город-PL

‘большие, красивые города’ [БК].

на данный вопрос, показалось логичным привлечь материал еще одного монгольского языка, оказавшегося в «русском окружении», — калмыцкого.

Следует сразу признать, что какие бы числовые результаты мы ни получили для калмыцкого, они не могут однозначно указывать на абсолютную роль русского языка в поддержании частотности употребления маркеров плюралиса при существительных. Тем не менее калмыцкий материал было необходимо исследовать хотя бы для полноты картины.

2. Материалы и методы исследования

На этот раз исследование проводилось в два этапа: сначала был вручную обработан такой же по объему, как в предыдущем пилотном исследовании, микрокорпус газетных текстов на калмыцком языке. Источником материала послужила интернет-версия газеты «Хальмг үнн» [Хальмг үнн]. В микрокорпус вошли статьи о политике, культуре, истории, спорте, изданные за июнь-август 2020 года²; общее количество словоупотреблений — 10 155.

Далее было проведено сравнение числовых результатов, выдаваемых «большими» корпусами бурятского [БК] и калмыцкого [КНК] языков³. Эти корпусы разные по объему (более 2 млн 200 тыс. словоупотреблений в первом и около 800 тыс. словоупотреблений во втором), поэтому сравнивались не абсолютные цифры, а высчитывались проценты и пропорции.

В разных работах, в которых говорится о множественном числе в калмыцком языке

² Период, непосредственно предшествовавший началу пилотного исследования.

³ Провести исследование на материале Монгольского корпуса [МК], к сожалению, не удалось, так как в его общедоступной версии по какой-то причине не работает поиск форм множественного числа существительных, в то время как падежные формы, если не указывать число, выдаются.

ке, списки маркеров плюралиса могут отличаться. Так, например, в [Bläsing 2003: 235] указаны форманты *-с*, *-д*, *-уд²*, *-муд²*, *-нр*, а также показатели множественного числа со значением собирательности — *-чуд²* и *-тн*. Последний (*-тн*) восходит к суффиксу совместного падежа *-та²*, поэтому в первую очередь он передает значение обладания. Сочетания с показателем *-тн* лексикализовались. Вероятно, по этой причине в русскоязычных описаниях морфологии калмыцкого языка (например, [ГКЯ 1983: 98] или [Пюрбеев 1997: 78]) он указывается не среди маркеров плюралиса, а в числе словообразовательных суффиксов [ГКЯ 1983: 85–86]. В настоящем исследовании суффикс *-тн* при подсчете частотности употребления показателей множественного числа не учитывался.

В калмыцком языке возможны комбинации двух показателей плюралиса — например, *дүүнрмүд* ‘младшие братья’ [Bläsing 2003: 235]. Случаи двойного употребления суффиксов множественного числа считались отдельно.

3. Частотность калмыцких маркеров плюралиса в микрокорпусе¹

3.1. -нр

В собранном вручную микрокорпусе калмыцких газетных статей показатель *-нр* встречается 104 раза в сочетании со следующими лексемами:

1. *арһлач* ‘бизнесмен’ — 9 (5 номинативных словоформ (*арһлачнр*), 1 аккузативная (*арһлачнриг*), 1 гетинивная (*арһлачнрин*), 1 социативная (*арһлачнрла*), 1 дативная (*арһлачнрт*));
2. *артист* ‘артист’ — 3 (все три словоформы в номинативе — *артистнр*);
3. *ач* ‘племянник’ — 1 (НОМ — *ачнр*);
5. *билгтэ* ‘талантливый’ — 1 (НОМ — *билгтнр*);
6. *бичэч* ‘писатель’ — 4 (2 — НОМ (*бичэчнр*), 1 — GEN (*бичэчнрин*), 1 — DAT (*бичэчнрт*));
7. *бүрдәһэч* ‘основатель’ — 1 (GEN — *бүрдәһэчнрин*);
8. *гшич* ‘гость’ — 2 (1 — ACC (*гшичнриг*), 1 — GEN (*гшичнрин*));
9. *гоминданови* ‘гоминьдановец’ — 1 (НОМ — *гоминдановиңнр*);
10. *дәэч* ‘воин’ — 1 (ASSOC-POSS — *дәэчнртәһән*);
11. *дишлэч* ‘победитель’ — 4 (1 — НОМ (*дишлэчнр*), 2 — GEN (*дишлэчнрин*), 1 — ACC (*дишлэчнриг*));
12. *дипломант* ‘дипломант’ — 2 (1 — НОМ (*дипломантнр*), 1 — DAT (*дипломантнрт*));
13. *дү* ‘младший брат/сестра’ — 1 (ASSOC-POSS — *дүүнртәһән*);
14. *жэолач* ‘водитель’ — 4 (2 — НОМ (*жэолачнр*), 1 — GEN (*жэолачнрин*), 1 — DAT (*жэолачнрт*));
15. *залата* ‘обладающий кисточкой’ (в *улан залатнр* ‘с красной кисточкой [на шапке]’ (эпитет)) — 1 (НОМ);
16. *келтэ* ‘владеющий языком’ (в *моңһл келтнрин* ‘говорящих по-монгольски’) — 1 (GEN);
17. *көдләч* ‘работник’ — 9 (7 — НОМ (*көдләчнр*), 1 — GEN (*көдләчнрин*), 1 — DAT (*көдләчнрт*));
18. *лауреат* ‘лауреат’ — 1 (DAT — *лауреатнрт*);
19. *мөрч* ‘коневод’ — 2 (1 — НОМ (*мөрчнр*), 1 — GEN (*мөрчнрин*));
20. *номта* ‘ученый’ — 2 (1 — НОМ (*номтнр*), 1 — СОМ (*номтнрла*));
21. *һаңнач* ‘сварщик’ — 2 (оба НОМ — *һаңначнр*);
22. *һардач* ‘руководитель’ — 2 (оба НОМ — *һардачнр*);
23. *орһаач* ‘участник’ — 1 (GEN — *орһаачнрин*);
24. *оюта* ‘студент’ — 2 (1 — НОМ (*оютнр*), 1 — GEN (*оютнрин*));
25. *өвк* ‘предок’ — 9 (2 — НОМ (*өвкнр*), 1 — POSS (*өвкнрән*), 1 — ABL (*өвкнрәс*), 2 — GEN (*өвкнрин*), 3 — GEN-3POSS (*өвкнриннь*));
26. *өөрд* ‘ойраты’ — 1 (НОМ — *өөрднр*);
27. *седкүлч* ‘журналист’ — 2 (1 — НОМ (*седкүлчнр*), 1 — GEN (*седкүлчнрин*));
28. *сурһульч* ‘школьник’ — 1 (НОМ — *сурһульчнр*);
29. *толһач* ‘руководитель’ — 1 (ASSOC-POSS — *толһачнртаһән*);
30. *тосхач* ‘строитель’ — 4 (3 — НОМ (*тосхачнр*), 1 — GEN (*тосхачнрин*));

¹ Все словоформы, приведенные в качестве примеров в данном разделе, взяты из статей [Хальмг үнн], вышедших с 01.06.2020 по 31.08.2020. Контекст, в котором употреблены данные словоформы, можно найти, введя искомую словоформу в поле «Поиск» на сайте [Хальмг үнн].

31. *умиач* ‘читатель’ — 9 (1 — NOM (*умиачнр*), 1 — ACC (*умиачнриг*), 4 — GEN (*умиачнрин*), 1 — GEN-3POSS (*умиачнриннь*), 2 — DAT (*умиачнрт*));
32. *үүлдэч* ‘деятель’ — 1 (NOM — *үүлдэчнр*);
33. *харвач* ‘лучник’ — 1 (NOM — *харвачнр*);
34. *шүлгч* ‘поэт’ — 3 (2 — NOM (*шүлгчнр*), 1 — DAT (*шүлгчнрт*));
35. *эвдэч* ‘нарушитель’ — 1 (ACC — *эвдэчнриг*);
36. *эдлэч* ‘потребитель’ — 4 (2 — ACC (*эдлэчнриг*), 1 — GEN (*эдлэчнрин*), 1 — DAT (*эдлэчнриг*));
37. *элч* ‘посол’ — 2 (1 — NOM (*элчнр*), 1 — GEN (*элчнрин*));
38. *эрдмч* ‘специалист’ — 1 (NOM — *эрдмчнр*).

Кроме того, маркер плюралиса *-нр* используется в так называемых «парных словах», причем он может как оформлять весь комплекс парного слова (*эк-эцнр* ‘родители (отцы и матери)’, *ах-дүүнр* ‘братья и сестры’), так и каждое слово комплекса по отдельности (*ээжнр-аавнр* ‘мамы и папы’, *ахнр-дүүнриннь* ‘их старших и младших братьев и сестер’). Всего таких употреблений маркера *нр* в микрокорпусе 7 (включены при подсчете в общее количество употреблений — 104).

В микрокорпусе три раза встретилось имя собственное (топоним), содержащее суффикс *-нр* — название поселка *Көтчнр* (букв. ‘личные слуги’). При подсчете эти употребления не были включены в общее количество употреблений форманта *-нр*, поскольку имена собственные — по умолчанию — застывшие, лексикализованные единицы. Однако тот факт, что маркеры плюралиса входят даже в имена собственные, можно считать одной из черт, характеризующих высокую частотность употребления показателей множественного числа в языке.

Как видно, данный показатель множественного числа употребляется с существительными, обозначающими профессии и род занятий (многие из которых образованы с помощью суффиксов *-ч* и *-т*), с терминами родства и т. п. Судя по изученным языковым материалам, в калмыцком языке показатель *-нр* используется более широко, чем в бурятском и монгольском языках.

3.2. -муд²

Показатель *-муд²* в микрокорпусе встречается 116 раз в сочетании с лексемами:

1. *баг* ‘команда’ — 1 (GEN — *багмудын*);
2. *бюджет* ‘бюджет’ — 1 (ABL — *бюджетмүдэс*);
3. *ветеран* ‘ветеран’ — 1 (NOM — *ветеранмуд*);
4. *гер* ‘дом’ — 20 (11 — NOM (*гермүд*), 2 — GEN (*гермүдин*), 4 — ACC (*гермүдиг*), 2 — ABL (*гермүдэс*), 1 — DAT (*гермүдт*));
5. *дегтр* ‘книга’ — 2 (1 — ACC (*дегтрмүдиг*), 1 — 3POSS (*дегтрмүднь*));
6. *дүр* ‘образ’ — 3 (2 — NOM (*дүрмүд*), 1 — ACC (*дүрмүдиг*));
7. *жсил* ‘год’ — 11 (2 — NOM (*жсилмүд*), 1 — GEN (*жсилмүдин*), 7 — DAT (*жсилмүдт*), 1 — DAT-POSS (*жсилмүдтән*));
8. *заавр* ‘указание’ — 1 (NOM — *зааврмуд*);
9. *заквр* ‘наказ’ — 1 (POSS — *закврмудан*);
10. *зокал* ‘правило’ — 2 (1 — NOM (*зокалмуд*), 1 — ACC (*зокалмудыг*));
11. *зокьял* ‘произведение’ — 1 (GEN — *зокьялмудын*);
12. *йовдл* ‘поступок’ — 5 (3 — NOM (*йовдлмуд*), 1 — ACC (*йовдлмудыг*), 1 — ABL (*йовдлмудас*));
13. *кегдл* ‘изделие’ — 3 (2 — NOM (*кегдлмүд*), 1 — 3POSS (*кегдлмүднь*));
14. *келвр* ‘рассказ’ — 1 (ACC — *келврмүдиг*);
15. *керг-үүлдвр* ‘предприятие’ — 5 (3 — NOM (*керг-үүлдврмүд*), 2 — GEN (*керг-үүлдврмүдин*));
16. *курьер* ‘курьер’ — 1 (NOM — *курьермүд*);
17. *неквр* ‘требование’ — 3 (1 — NOM (*некврмүд*), 1 — ACC (*некврмүдиг*), 1 — COM (*некврмүдлэ*));
18. *өдр* ‘день’ — 3 (1 — GEN (*өдрмүдин*), 2 — DAT (*өдрмүдт*));
19. *өрк-бүл* ‘семья’ — 7 (5 — NOM (*өрк-бүлмүд*), 1 — GEN (*өрк-бүлмүдин*), 1 — DAT (*өрк-бүлмүдт*));
20. *панр* ‘фонарь’ — 1 (NOM — *панрмуд*);
21. *патыр* ‘квартира’ — 1 (NOM — *патырмуд*);
22. *предприять* ‘предприятие’ — 1 (NOM — *предприятьмүдт*);
23. *пристав* ‘пристав’ — 3 (2 — NOM (*приставмуд*), 1 — DAT (*приставмүдт*));
24. *проектор* ‘проектор’ — 1 (GEN — *проектормудын*);

25. *регион* 'регион' — 2 (1 — ABL (*регионмудас*), 1 — DAT (*регионмудт*));
26. *сад* 'детский сад' — 1 (GEN — *садмудын*);
27. *сар* 'месяц' — 1 (NOM — *сармуд*);
28. *светофор* 'светофор' — 3 (все NOM — *светоформуд*);
29. *сеть* 'сеть' — 1 (ACC — *сетьмүдиг*);
30. *сквер* 'сквер' — 1 (GEN — *сквермүдин*);
31. *скульптур* 'скульптур' — 1 (GEN — *скульптурмүдин*);
32. *сольвр* 'изменения' — 1 (NOM — *сольврмуд*);
33. *сурвр* 'вопрос' — 1 (DAT — *сурврмудт*);
34. *суудл* 'сиденье' — 1 (DAT — *суудлмуд*);
35. *терз* 'окно' — 3 (1 — NOM (*терзмүд*), 1 — ACC (*терзмүдиг*), 1 — 3POSS (*терзмүднх*));
36. *төр* 'проблема' — 6 (3 — NOM (*төрмүд*), 2 — INSTR (*төрмүдэр*), 1 — ACC (*төрмүдиг*));
37. *тренажер* 'тренажер' — 1 (NOM — *тренажермуд*);
38. *тротуар* 'тротуар' — 1 (NOM — *тротуармуд*);
39. *үг* 'слово' — 5 (1 — NOM (*үгмүд*), 1 — GEN (*үгмүдин*), 1 — ACC (*үгмүдиг*), 1 — INSTR (*үгмүдэр*), 1 — 3POSS (*үгмүднх*));
40. *үүдэвр* 'произведение' — 4 (2 — NOM (*үүдэврмүдинх*), 1 — ACC (*үүдэврмүдиг*), 1 — ACC-3POSS (*үүдэврмүдинх*));
41. *фермер* 'фермер' — 1 (NOM — *фермермүд*);
42. *хош* 'загон' — 1 (NOM — *хошмуд*);
43. *школ* 'школа' — 1 (GEN — *школмудын*);
44. *эксперт* 'эксперт' — 1 (NOM — *экспертмүд*).

Два словоупотребления лексикализованной едининцы *цогц-махмуд* 'организм' (в формах POSS и INSTR-POSS) не учитывались.

3.3. -чүд²

Показатель -чүд² в микрокорпусе встретился наименьшее количество раз по сравнению с остальными показателями плюралиса существительных — 17:

1. *бахчуд* 'молодежь' (< *бах* 'малый') — 7 (4 — NOM, 1 — ACC (*бахчудыг*), 2 — DAT-POSS (*бахчудтан*));
2. *моңһлчуд* 'монголы' (< *моңһл* 'монгольский') — 8 (5 — NOM, 3 — GEN (*моңһлчудын*));
3. *сээчүд* 'знать' (< *сэн* 'хороший') — 2 (1 — NOM, 1 — GEN (*сээчүдин*)).

3.4. -с

Довольно частотным оказался маркер плюралиса -с — 111 употреблений, во многих случаях с заимствованными из русского языка словами:

1. *бүрдэц* 'организация' — 4 (1 — NOM (*бүрдэцс*), 1 — GEN (*бүрдэцсин*), 1 — ACC (*бүрдэцсиг*), 1 — DAT (*бүрдэцст*));
2. *грампластинк* 'грампластинка' — 1 (NOM — *грампластинкс*);
3. *зэңг* 'весть' — 11 (все NOM — *зэңгс*);
4. *компань* 'компания' — 2 (1 — NOM (*компаньс*), 1 — DAT (*компаньст*));
5. *котельн* 'котельная' — 3 (2 — NOM (*котельнс*), 1 — DAT (*котельнст*));
6. *күцэмжэ* 'успех' — 1 (GEN — *күцэмжэсин*);
7. *лавк* 'лавка' — 1 (NOM — *лавкс*);
8. *марһан* 'конкурс' — 1 (DAT — *марһанст*);
9. *номинац* 'номинация' — 1 (DAT — *номинацст*);
10. *объект* 'объект' — 11 (7 — NOM (*объектс*), 3 — GEN (*объектсин*), 1 — DAT (*объектст*));
11. *организац* 'организация' — 4 (2 — NOM (*организацс*), 1 — ACC (*организацсиг*), 1 — DAT (*организацст*));
12. *орм* 'место' — 5 (1 — NOM (*ормс*), 1 — GEN (*ормсин*), 1 — ACC (*ормсиг*), 2 — DAT (*ормст*));
13. *парк* 'парк' — 1 (GEN — *парксин*);
14. *станц* 'станция' — 1 (GEN — *станцсин*);
15. *статья* 'статья' — 1 (NOM — *статьяс*);
16. *технологий* 'технология' — 1 (NOM — *технологийс*);
17. *төсв* 'проект' — 5 (4 — NOM (*төсвс*), 1 — ACC (*төсвсиг*));
18. *турва* 'труба' — 3 (2 — NOM (*турвас*), 2 — ACC (*турвасиг*), 1 — INSTR (*турвасар*));
19. *туужэ* 'история' — 1 (NOM — *туужэс*);
20. *уульнц* 'улица' — 5 (1 — GEN (*уульнцсин*), 4 — DAT (*уульнцст*));
21. *участк* 'участок' — 2 (1 — NOM (*участкс*), 1 — GEN (*участксин*));
22. *учреждень* 'учреждение' — 3 (2 — NOM (*учрежденьс*), 1 — GEN (*учрежденьсин*));
23. *хаалһ* 'дорога' — 33 (19 — NOM (*хаалһсиг*), 7 — GEN (*хаалһсин*), 1 — ACC (*хаалһсиг*), 6 — DAT (*хаалһст*));

24. *харһлт* ‘встреча’ — 1 (NOM — *харһлтс*);
25. *хашиа* ‘забор’ — 4 (все NOM — *хашиас*);
26. *цецгэ* ‘цветок’ — 2 (оба NOM — *цецгэс*);
27. *экспедиц* ‘экспедиция’ — 1 (DAT — *экспедицст*).

3.5. -д и -уд²

В микрокорпусе встретилось комбинированное использование маркеров плюралиса -д и -уд² (38 употреблений). Наиболее частотное слово с комбинацией маркеров плюралиса -дуд² — *бичкдуд* ‘дети, детвора’ < *бичкн* ‘маленький’ — 32 словоупотребления: 9 — NOM, 18 — GEN (*бичкдудин*), 2 — ACC (*бичкдудиг*), 2 — POSS (*бичкдудэн*), 1 — ASSOC-POSS (*бичкдудтэһэн*). Его синоним *урдуд* ‘дети, потомство’ (*урн* ‘ребенок’) встречается только один раз, в номинативной форме.

Также в собранных текстах нашлось пять употреблений лексемы *эздуд* ‘хозяйева’: 2 — GEN (*эздудин*), 2 — DAT-POSS (*эздудтнь*), 2 — ABL-POSS (*эздудаснь*).

По отдельности -д и -уд² в микрокорпусе употребляются с намного большим количеством лексем.

Маркер плюралиса -д — 49 употреблений со следующими лексемами (заменяет конечный -н):

1. *ду* ‘песни’ — 4 (2 — NOM (*дуд*), 2 — GEN (*дуудын*));
2. *көвүн* ‘мальчик’ — 2 (1 — POSS (*көвүдэн*), 1 — 3POSS (*көвүднь*));
3. *көгшин* ‘старик’ — 3 (2 — NOM (*көгшид*), 1 — GEN (*көгшидин*));
4. *күүкн* ‘девочка’ (> *күүкд* ‘дети’) — 11 (1 — NOM, 1 — ABL-POSS (*күүкдэсн*), 1 — NEG (*күүкд уга*), 3 — POSS (*күүкдэн*), 2 — 3POSS (*күүкднь*), 2 — DAT-POSS (*күүкдтэн*), 1 — ASSOC-POSS (*күүкдтэһэн*));
5. *микрорайон* ‘микрорайон’ — 5 (3 — GEN (*микрорайодын*), 2 — DAT (*микрорайодт*));
6. *модн* ‘дерево’ — 4 (3 — NOM (*модд*), 1 — GEN (*моддын*));
7. *нерн* ‘имя’ — 1 (NOM — *нерд*);
8. *район* ‘район’ — 3 (2 — GEN (*райодын*), 1 — DAT (*райодт*));
9. *селэн* ‘село’ — 9 (2 — NOM (*селэд*), 3 — GEN (*селэдин*), 3 — DAT (*селэдт*), 1 — DIR (*селэдүр*));
10. *сувсн* ‘жемчужина’ — 1 (ACC-3POSS — *сувсдын*);

11. *урн* ‘ребенок’ — 2 (1 — 3POSS (*урднь*), 1 — DAT-POSS (*урдтэн*));
12. *хамтхасн* ‘лист’ — 1 (NOM — *хамтхасд*);
13. *хээсн* ‘котел’ — 1 (NOM — *хээсд*);
14. *хунну* ‘гунны’ — 1 (NOM — *хуннуд*);
15. *шовун* ‘птица’ — 1 (GEN — *шовудын*).

Маркер плюралиса -уд² — 40 употреблений с лексемами:

1. *белг* ‘подарок’ — 2 (1 — NOM (*белгүд*), 1 — POSS (*белгүдэн*));
2. *бичг* ‘письмо’ — 4 (3 — NOM (*бичгүд*), 1 — DAT-3POSS (*бичгүдтнь*));
3. *бүтэл* ‘творение’ — 1 (NOM — *бүтэлүд*);
4. *ээмг* ‘племя’ — 1 (NOM — *ээмгүд*);
5. *зург* ‘картинка’ — 2 (1 — NOM (*зургүд*), 1 — DAT (*зургүдт*));
6. *керг* ‘дело’ — 2 (1 — NOM (*кергүд*), 1 — GEN (*кергүдин*));
7. *орн-нутг* ‘страна’ — 5 (1 — NOM (*орн-нутгүд*), 1 — GEN (*орн-нутгүдин*), 3 — DAT (*орн-нутгүдт*));
8. *талвң* ‘площадка’ — 2 (обе NOM — *талвңгүд*);
9. *темдг* ‘знак’ — 9 (8 — NOM (*темдгүд*), 1 — INSTR (*темдгүдэр*));
10. *ур-иньг* ‘друг’ — 2 (1 — GEN-3POSS (*ур-иньгүдиннь*), 1 — ACC-3POSS (*ур-иньгүдинь*));
11. *хальмг* ‘калмык, калмыцкий’ — 5 (4 — NOM (*хальмгүд*), 1 — GEN (*хальмгүдын*));
12. *цецг* ‘цветок’ — 1 (NOM — *цецгүд*);
13. *шүлг* ‘стихотворение’ — 3 (1 — GEN (*шүлгүдин*), 1 — ACC (*шүлгүдиг*), 1 — 3POSS (*шүлгүднь*));
14. *эд* ‘имущество, вещь’ — 1 (DAT-3POSS — *эдүдтнь*).

4. Сравнение результатов

Если считать общее количество употреблений маркеров плюралиса в микрокорпусе калмыцких газетных текстов, то получается, что на 10 115 всех словоупотреблений приходится в общем 473 употреблений показателей множественного числа существительных. Получается, что в отобранных калмыцких текстах маркер плюралиса встречается в каждом 21-м слове.

Для сравнения, в халха-монгольском микрокорпусе было насчитано 156 маркеров плюралиса на 10 032 словоупотребле-

ния (в среднем — в каждом 64-м слове), а в бурятском — 565 маркеров¹ на 10 261 сло-
воупотребление (в среднем — на каждом 18-м слове) [Мазарчук 2020: 664].

Таблица 1. Количество показателей плюралиса в микрокорпусах
[Table 1. Number of plurality markers in 'microcorpora']

	Халха-монгольский		Бурятский		Калмыцкий	
		-(н)ууд ²	77	-(н)ууд ²	354	-уд ² + -муд ² + (-д + -уд ²)
	-чууд ²	2	-шуул ²	6	-чуд ²	17
	нар	13	-нар ³	35	-нр	104
	-д	62	-д	170	-д	49
	-с	2	—	—	-с	109
Всего	156		565		473	
Средняя частотность	в каждом 64-м слове		в каждом 18-м слове		в каждом 21-м слове	

Таким образом, если опираться на данные, полученные в результате ручной обработки микрокорпуса, то получается, что в калмыцком языке показатели множественного числа существительных употребляются в целом примерно почти так же часто, как в бурятском. Различается только распределение количества употреблений между разными маркерами: так, например, в калмыцком языке формант *-нр* оказался намного более частотным, чем в бурятском, а суффикс *-с*, отсутствующий в бурятском и очень редкий в халха-монгольском языке, стоит на втором месте по частотности после *-уд²* и его вариантов².

«Большие» корпуса выдают следующие цифры:

1. Бурятский — подкорпус прессы 2000–2021 годов издания³ составляет 0,72 % от общего объема корпуса. Соответственно, это примерно 15 840 словоупотреблений. Поиск выдал 462 вхождения при введении параметров «существительное» и «множественное число» (при таком запросе отображаются все падежные и посессивные фор-

мы). Таким образом, в «большом» корпусе маркеры плюралиса встречаются в среднем на каждом 34-м слове (ср. в микрокорпусе — на каждом 18-м).

2. Калмыцкий — подкорпус прессы 2000–2021 годов издания составляет 58,57 % от общего объема корпуса, т. е. около 468 560 словоупотреблений. На этот объем приходится 29 958 существительных во множественном числе. Получается, что в среднем показатели множественного числа оформляют каждое 16-е слово (ср. в микрокорпусе — каждое 21-е).

Как видно, данные, полученные для бурятского языка на материале большого корпуса и микрокорпуса, разнятся очень сильно. С одной стороны, большего доверия, заслуживают результаты, выдаваемые более объемными корпусами, так как поиск ведется на большем количестве материала. С другой стороны, при работе с большими корпусами не следует забывать о возможных технических сбоях, оказывающих влияние на выдачу результатов поиска.

Микрокорпусы показывают, что маркеры плюралиса в калмыцком языке употребляются чуть реже, чем в бурятском. Большие — что в калмыцком почти в два раза чаще, чем в бурятском.

Получить данные о частотности употребления маркеров плюралиса в современном монгольском языке из большого корпуса пока что технически невозможно.

5. Возможная интерпретация данных

На основании изученных материалов, удалось выяснить, что в калмыцком язы-

¹ В [Мазарчук 2020: 664] ошибочно указаны числа 157 и 559 вместо 156 и 565.

² Имеется в виду общее количество употреблений форманта *-уд²*, его алломорфа *-муд²* и комбинации *-д + -уд²*.

³ Данный подкорпус был выбран, так как он соответствует по стилю речи и тематике работанным вручную микрокорпусам. Тексты, изданные до 2000 г., не были включены в подборку, так как автора в этом исследовании интересует нынешнее состояние языка.

ке маркеры плюралиса употребляются как минимум в 3–4 раза чаще, чем в монгольском.

О ситуации в бурятском языке мы уже не можем говорить с прежней уверенностью. По данным «большого» бурятского корпуса, показатели множественного числа существительных в бурятском употребляются примерно в 2 раза (а не в 3,5, как это было в микрокорпусе) чаще, чем в монгольском.

Тем не менее полученные числовые данные подтвердили общее интуитивное впечатление о более высокой частотности рассматриваемых формантов в калмыцком и бурятском языке по сравнению с монгольским.

Калмыки и российские буряты оказались в устойчивом русском языковом окружении примерно с XVII в. Возможно, в это время или позднее начался процесс уменьшения частотности употребления маркеров плюралиса, который почему-то имел место в монгольском языке. По-видимому, он не успел коснуться бурятского и калмыцкого языков, поскольку эти языки, отделившись от генетически родственного окружения,

вероятно, в результате влияния русского языка в какой-то мере «законсервировали» рассматриваемую в данной статье черту (частое употребление показателей множественного числа), причем бурятский язык еще и развил способность присоединять маркеры плюралиса к прилагательным, не субстантивируя последние.

Дальнейшим вопросом для изучения может стать причина начала процесса снижения частотности употребления маркеров плюралиса в монгольском языке, а также динамика этого процесса на протяжении XVII–XXI вв. Очевидно, что имело место некоторое упрощение языковой системы — и в этом нет ничего уникально монгольского: стоит вспомнить постепенную замену двойственного числа множественным в русском языке, вытеснение показателя *shall* показателем *will* в английском и великое множество других примеров. Однако если нам удастся выяснить, почему множественное число стало маркироваться в монгольском всё реже и реже, нам, возможно, удастся сделать какие-то новые выводы об устройстве и внутренней логике развития монгольского языка.

Сокращения

Бур. — бурятский язык; ZPOSS — показатель личного притяжания 3-го лица; ACC — аккузатив; ASSOC — ассоциатив (совместный падеж, показатель *-ma²*); COM — комитатив (соединительный па-

деж, показатель *-la²*); DAT — датив-локатив; DIR — директив (направительный падеж); GEN — генитив; INSTR — инструменталис; NOM — номинатив; PL — множественное число; POSS — субъектное притяжание.

Источники

БК — Бурятский корпус [электронный ресурс] // Buryat Corpus. URL: <http://buryat.web-corpora.net/> (дата обращения: 11.05.2021).
КНК — Калмыцкий национальный корпус [электронный ресурс] // Kalmyk National Corpus. URL: <http://web-corpora.net/KalmykCorpus> (дата обращения: 11.05.2021).
МК — Монгольский корпус [электронный ресурс] // URL: http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/index.php?interface_language=ru (дата обращения: 11.05.2021).
Хальмг үнн — Интернет-газета «Хальмг үнн» [электронный ресурс] // URL: <http://halmgynn.ru/> (дата обращения: 07.03.2021).

Sources

Buryat National Corpus. Available at: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (accessed: May 11, 2021). (In Bur.)
Kalmyk National Corpus. Available at: http://web-corpora.net/KalmykCorpus/search/index.php?interface_language=ru (accessed: May 11, 2021). (In Kalm.)
Mongolian National Corpus. Available at: http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/?interface_language=ru (accessed: May 11, 2021). (In Mong.)
Khalmg Ünn (online newspaper). Available at: <http://halmgynn.ru/> (accessed: March 7, 2021). (In Kalm.)

Литература

- ГКЯ 1983 — Грамматика калмыцкого языка: Фонетика и морфология / отв. ред. Г. Д. Санжеев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 335 с.
- Мазарчук 2020 — Мазарчук А. В. Использование показателей множественного числа в современных халха-монгольском и бурятском языках // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 660–667. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-660-667
- Пюрбеев 1997 — Пюрбеев Г. Ц. Калмыцкий язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык / ред.: В. Н. Ярцева, В. М. Солнцев, Н. И. Толстой. М.: Индрик, 1997. С. 73–86.
- Bläsing 2003 — Bläsing U. Kalmuck // The Mongolic Languages / ed. by Juha Janhunen. London and New York: Routledge, 2003. Pp. 229–247.
- Street 1990 — Street J. Nominal Plural Formations in the *Secret History* // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Tomus XLIV (3). 1990. Pp. 345–379.

References

- Bläsing U. Kalmuck. In: Janhunen J. (ed.) The Mongolic Languages. London and New York: Routledge, 2003. Pp. 229–247. (In Eng.)
- Mazarchuk A. V. The use of nominal plurality markers in modern Khalkha Mongolian and Buryat. *Mongolian Studies*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 660–667. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-660-667
- Pyurbееv G. Ts. Kalmyk language. In: Yartseva V. N., Solntsev V. M., Tolstoy N. I. (eds.) Languages of the World: Mongolic and Tungus-Manchu Ones, Japanese and Korean. Moscow: Indrik, 1997. Pp. 73–86. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. (ed.) Kalmyk Grammar: Phonetics and Morphology. Elista: Kalmykia Book Publ., 1983. 335 p. (In Russ.)
- Street J. Nominal plural formations in the *Secret History*. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1990. Vol. XLIV. No. 3. Pp. 345–379. (In Eng.)

